

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Оформление — *Екатерина Петрова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Мур, Лина.

М91 Небеса всё знают : [роман] / Лина Мур. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Неправильная любовь).

ISBN 978-5-17-113373-3

Флинт получил все, о чем мечтал: успешный бизнес, роскошную жизнь, толпы влюбленных женщин... Но однажды он понимает, что одинок и несчастен, и решает вернуться в родной дом, откуда когда-то сбежал. Простят ли его те, кого он предал? Сможет ли он загладить свою вину перед той, которой разбил сердце? Или увидит в ответ лишь ненависть и презрение?

Небеса всё знают, и в их власти наградить или наказать. Флинт надеется, что получит хотя бы призрачный шанс изменить свою жизнь и начать все сначала. И тогда прошлое будет прощено, настоящее станет светлой дорогой, на которой он больше не будет один. А любовь?.. За свою любовь он готов побороться даже с небесами!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113373-3

© Л. Мур, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

— **И**ты собираешься так просто это принять? — Недоуменно слежу за метаниями сестры.

— Да, Флинт, просто. Я это уже приняла. Ребенок не виноват в том, что родился! — Зои на секунду поворачивается ко мне, в голубых глазах сверкает ярость.

— На кой черт он тебе, когда скоро появится свой? — Глазами указываю на огромный живот, который сестра постоянно поглаживает. Всегда так делает, когда нервничает, а сейчас она на взводе. Мне должно быть наплевать, но я здесь. Сажу и жду непонятно чего, пытаюсь образумить Зои, хотя родители ее поддерживают.

— А на кой черт родители завели тебя, если у них уже была я? Тот же самый вопрос, братик, — передразнивает она, что совершенно не подобает двадцатичетырехлетней замужней женщине.

— Да я спрашивал, и не раз, и всегда получал подзатыльник, поэтому ответить не смогу. Но все же, Зои, какой смысл принимать чужую дочь? Вдруг она неуравновешенна, создаст проблемы, да и деньги на нее придется тратить, а у нас их не так много. — Спрыгиваю с дивана и тоже подхожу к окну.

— Она всего лишь ребенок, Флинт. Ее мать умерла от рака, девочка одна осталась в Париже. Нет никого из родственников, чтобы забрали к себе. Только отец. И что, Скотту нужно было забыть о ней? Бросить свою плоть и кровь в приюте? Боже, ты еще совсем мальчишка, раз не понимаешь весь ужас ситуации. Скотт даже не знал, что у него есть дочь...

— А он делал тест или поверил на слово какой-то шлюхе? — Кривлюсь в брезгливой ухмылке и отворачиваюсь.

— Прекрати немедленно! — Сестра отвешивает полновесный подзатыльник, и я едва не тараню лбом окно.

— Зои! — Возмущенно потираю голову, взлохмачивая светлые волосы до плеч.

— Только попробуй. Только попробуй все испортить. Только заикнись, и я тебя по стенке размажу. — Она предупреждающе грозит мне пальцем.

— Ладно-ладно, расслабься, а то родишь племянника прямо сейчас.

— Ей всего пять, она еще крошка, и ей нужна семья. Скотт сказал, она очень пуглива, всего боится. К тому же... Боже! — Не закончив фразу, Зои взвизгивает и начинает приглаживать свою пшеничного цвета шевелюру.

— Что? — недовольно спрашиваю, наблюдая, как беременная женщина — по моему мнению, больная на голову — носится по небольшой гостиной.

— Они здесь. Такси уже у дома. Сейчас будут. Ты понял меня, Флинт? Понял? Не пугай ее! Не...

— Зовут-то как сиротку? — Ловлю очередной подзатыльник и злой взгляд сестры.

— Джасмин. Ее имя Джасмин. Все, молчи, а лучше выйди через заднюю дверь. — Она поворачивается к входу, и дверь тут же распаивается.

— Привет, милый, — нервно произносит Зои, глядя на мужа. Встречаюсь глазами со Скоттом. Он будто постарел за две недели отсутствия. В темных волосах проглядывает редкая седина. Круги под глазами, опухшие веки... Ему сейчас можно дать хорошо за тридцать вместо двадцати шести. Он вымотан. Еще бы, как им не подфартило. Внебрачная дочь, о которой никто не знал, смерть его бывшей пассии-француженки и подарок в виде ребенка. Глупее не придумаешь, вот Скотт теперь и расплачивается. Как и мы все.

— Доченька, не бойся, это моя жена. Ее зовут Зои, — мягко говорит мой свояк, пытаясь руками поймать что-то позади него.

Опускаю взгляд и вижу тонкие ножки в черных колготках, слишком массивные для пятилетнего ребенка ботинки. А в Саванне довольно-таки жарко для осени. Безуспешные попытки втянуть малышку в дом сопровождаются предложениями всевозможных сладостей, игрушек, но девочка даже не двигается.

Мысленно закатывая глаза, отталкиваюсь от стены и подхожу к Скотту. Опускаюсь на корточки и решаюсь на диалог, которого, видит бог, не хочу. Мне вообще претит здесь все. Последний школьный год, меня ждут вечеринки и девушки, а родители заставили приехать к сестре, чтобы поддержать ее. Оно мне надо?

— Ну, девочка моя, выходи. Здесь тебе никто не причинит зла, — уговаривает ее папаша.

— Я ведьма и могу сама причинить зло, — раздается тонкий голосок с явным акцентом.

Бросаю удивленный взгляд на сестру, она отвечает таким же. Теперь мы оба смотрим на улыбнувшегося Скотта.

— В самолете мы смотрели «Белоснежку», ей очень понравилась злая колдунья.

— Значит, к нам пожаловала сама Малефисента? Я ни разу в жизни ее не видел, и мне безумно интересно. — Не знаю, откуда что берется, но именно мой воодушевленный голос звучит в тишине.

— Нет, я Джасмин. Но у меня много силы. Даже больше, чем у нее, — отвечает ребенок, все так же прячась за отцом.

— Вау, вот это да! Если ты покажешь мне силу, я покажу тебе свою, — предлагаю, и через секунду из-за мужских ног выглядывает девочка.

От создания, появившегося в нашей жизни, у меня спирает дыхание. Скотт отлично поработал — ребенок перед нами невероятный. Я вообще-то мало рассматривал детей и не могу дать точную оценку их красоте, но уже достаточно много видел женщин и девушек, чтобы утверждать, что когда-нибудь эта малышка станет красоткой. Распахнутые огромные небесно-голубые глаза разглядывают меня с таким же интересом, как и я ее. Русые волосы спадают по плечам, пухлые губы растянуты в лукавой улыбке.

— Значит, ты тоже колдун? — недоверчиво спрашивает она, и я, кивая, поднимаюсь на ноги.

— Да, но у меня самое обычное имя — Флинт. А это моя сестра и жена твоего папы — Зои. И она владеет невероятной магией, даже мне неизвестной. — Протягиваю Джасмин руку, и она бросает взгляд на Скотта, словно ожидая разрешения. Он кивает, и девочка покидает свое убежище. Теперь могу рассмотреть, какая она худенькая, тоненькая. Белоснежная кожа и черное пла-

ть. Такой яркий и резкий контраст действует на нервы и вызывает жалость. Хотя эта крошка никоим образом меня не касается, мне безумно горько оттого, что она пока не понимает, чего ждать от нового этапа своей юной жизни.

Она подходит ближе, и мне приходится нагнуться и предложить ей руку. Девочка так долго рассматривает меня, что становится не по себе. Я привык, что женщины меня любят, но ведь это ребенок. Хотя взгляд у нее глубокий, вдумчивый, как у взрослого и мудрого человека. Невероятно красивые глаза, да и сама она настолько нежная, что я улыбаюсь. Ее ручка ложится в мою, я осторожно тяну ее к себе, а затем поворачиваю к ошарашенной Зои. Я тоже удивлен сам собой и желаю скорее свалить от напряженной тишины, поэтому тороплюсь закончить.

— Я расскажу тебе по секрету, — ловлю взгляд голубых глаз и заговорчески продолжаю, — у Зои спрятаны яблоки, которые только она умеет готовить так, чтобы насладиться на всех глубокий сон. Если хочешь, она тебе покажет.

— Правда? У тебя есть такие яблоки? — изумляется Джасмин.

— М-м... да... четыре фунта имеются, и я знаю, где взять еще. Мы можем сейчас отправиться на кухню и приготовить. Хочешь? — спрашивает сестра.

— Да. Очень хочу. — Ребенок с готовностью отпускает мою руку.

Зои уводит ее, а я тру лоб. Ни черта себе встреча.

— Вот ты нашел себе проблемы, Скотт. — Поворачиваюсь к нему.

— Она моя дочь, Флинт, у меня не было выбора. Я тебе благодарен, потому что характер у нее не из простых, она мало говорит, в основном молчит, всего боится и прячется. — Он похлопывает меня по плечу и пропускает к двери. — Ты вернешься? — интересуется, когда я останавливаюсь на пороге.

— Возможно. Мне же семнадцать, и меня ждут две красотики в кафе. — Подмигиваю.

— Мальчишка, — слышу в ответ смех, и дверь закрывается.

Мысли о новом члене семьи моментально улечучиваются, когда я прыгаю в машину и включаю музыку. У меня грандиозные планы, о которых предпочитаю не говорить вслух. Обожаю эту жизнь.

Два года спустя...

Затягиваюсь едкой сигаретой, отравляющей и так скорбящее сердце. Смотрю на плиты, рядом стоят знакомые, пришедшие выразить соболезнования. А я ничего не чувствую, кроме желания напиться и изменить свое решение о поступлении в Нью-Йоркский университет. Если бы я этого не сделал год назад, то наши родители, которые решили приехать из Саванны в Нью-Йорк, были бы живы. Не пошел бы дождь, не были бы мокрыми дороги, они бы не разбились. Это моя вина, и поэтому сейчас стою поодаль от плачущей сестры, от бледного Скотта, от друзей, которые тоже любили их, как я.

— Им сейчас лучше, чем нам, Флинт, — раздается рядом детский голос.

Перевожу затуманенный взгляд на голубые глаза под темной вуалью шляпки и бросаю недокуренную сигарету под ноги.

— Тебе больно, да? — Джесс подходит ко мне ближе.

— Очень, — шепчу, опускаясь на зеленую траву, и не смею подойти ближе к месту, где сейчас произносит речь Скотт.

Семилетняя малышка садится рядом, и я ощущаю, как ее прохладная маленькая ладошка поглаживает меня по плечу.

— Не надо. Мне не нравится, когда ты грустишь. Мне тоже хочется плакать. Бабушка с дедушкой всегда говорили, что если чему-то суждено произойти, это случится. Значит, они сейчас счастливы. Ведь там, на небесах, так хорошо и спокойно. Посмотри на них, небо ясное, даже тучек нет. Они будут оберегать нас оттуда и сейчас видят, как ты куришь, — последнее слово она произносит с явным неодобрением.

— Ох, конфетка, это я виноват. Я выбрал не то, что должен был. Я...

— Ты шел за мечтой, так говорит Зои. И почему это ты виноват? Папа говорит, чтобы я делала то, что хочу, — перебивая меня, заявляет Джесс.

Перевожу на нее взгляд и в который раз удивляюсь, каким родным стал для меня этот ребенок. Ее слова словно ослабляют печаль и скорбь, приоткрывают мое сознание, чтобы пропустить луч света, каким представляется мне она. Любопытная, умная, развитая девочка, которую сразу же все полюбили, стала неотъемлемой

частью нашей семьи. Даже я проникся ее смехом, жадной жизни и весельем.

— Мы должны пойти туда. — Она указывает на кучку людей, и я тяжело вздыхаю. — Я буду с тобой, обещаю. Пойдем, Флинт. — Поднимаясь, протягивает мне руку, и столько надежды в ее глазах, столько веры, что не могу отказать.

Хотя бы ради нее — пусть думает, что этот мир прост, и никогда не встретится с ранней потерей. Она уже пережила это, лишившись матери, но обрела другую семью. Возможно, без нее я бы не смог подняться и вернуться ко всем, обнять сестру и забрать у нее племянника, затем бросить землю на гробы и наблюдать за прощанием, держа одного ребенка на руках, а другую прижимая к себе.

Я единственный, кто так и не заплакал на похоронах. Единственный, с кем не общаются, потому что я сбегаю. И даже тихий голос Джесс не вернет меня сюда надолго.

Четыре года спустя...

Слышу, как поворачивается ручка двери, и распахиваю глаза. Моргая, выпрямляюсь и морщусь — все тело затекло от короткого сна на диване в доме сестры.

— Флинт?

— Дядя!

Раздается удивленный голос Зои, и в тот же миг племянник прыгает на меня и обнимает за шею.

— Привет, парень. Какой ты огромный стал. — Смеясь, треплю светловолосого малыша по голове и опускаю рядом. — Привет, сестренка. Привет, Скотт, — продолжая улыбаться, встаю с дивана.

— Какими судьбами, Флинт? Еще не лето. У тебя что-то случилось? — спрашивает Зои, вешая плащ, а сыну, который уже нашел на журнальном столике приготовленную ему в подарок машинку, велит отправляться мыть руки.

— Оставь его, милая, это и его дом. Мы рады видеть тебя, через полчаса поужинаем, — мягко произносит Скотт.

— А где Джесс? — Приглаживаю растрепавшиеся волосы.

— У нее музыкальные занятия, потом балет. Соседка ее подвезет. Так что случилось? — Сестра прищуривается. — Ты не звонишь, не пишешь, не отвечаешь, и вдруг здесь.

— Я приехал, чтобы поделиться радостной новостью, — улыбаюсь ей.

— Какой?

— Я женился. Сегодня мы расписались с Коллин, — с трепетом делюсь самым ярким и лучшим событием в моей жизни.

— Что? — Лицо сестры белеет.

— Да... хм, я не говорил об этом, чтобы вы не испортили мне настроение. Но я женат...

— Сколько вы знакомы, Флинт?

— Пару недель, но чувства появились сразу. Черт, не надо меня осуждать, я знаю, что поспешно, но я люблю ее, и она великолепная девушка. Первый курс медицинского факультета, мы встретились в баре, и все закрутилось. Я сразу понял, что она для меня. Тем более я нашел место помощника архитектора в компании и смогу обеспечить нас. Есть квартира, которую мне подарили родители перед смертью, у нас все хорошо, — оправдываюсь. Как противно.

— Что же ты творишь, брат? Совсем с ума сошел? Ты ничего не знаешь о девушке, кроме того, как она трахается! Когда ты начнешь думать головой, а не членом? У тебя квартира, а она, я уверена, иностранка. Да? — Зои наступает на меня, повышая голос.

— Да, она не американка, как закончится ее ученическая виза, мы подадим на грин-карту. Неужели это так важно? Я люблю ее! Она моя жена и хорошая девушка! — зло отвечаю.

— Конечно, хорошая девушка, которая окрутила идиота, — фыркает Зои. — Ей нужно только гражданство, а потом она тебя бросит. И даже не посмотрит на твое смазливое личико. Ты проходной билет для нее. Когда же ты повзрослеешь?

— Я взрослый! Прекрати меня отчитывать! Я давно уже не мальчишка! Работаю, живу самостоятельно, ни разу не просил у вас денег. Сам принимаю решения. И вот женился! Ты должна была меня поздравить, а не орать. — Яростно тычу в нее пальцем.

— Поздравляю, Флинт, из-за любви к женским гениталиям, алкоголю и, возможно, до сих пор к наркотикам ты совершил самую ужасную глупость в своей жизни, — едко произносит она.

— Да я только раз баловался кокаином. И что? Я же не подсел, и хватит мне напоминать! Думал, приеду, расскажу, познакомлю вас — Коллин тоже здесь, только в отеле — и все будет так же

хорошо, как было у меня на душе. А встретил только нравоучения и унижение, напоминание о моей молодости...

— Ты и сейчас молод! Тебе только двадцать три! Ты еле-еле окончил университет и снова нашел себе проблемы на задницу. Выпутывайся сам, понял? Скоро поймешь, каким был придурком!

— Что вы кричите? Напугаете Карвера. — В гостиную входит Скотт и останавливается между нами.

— Этот полоумный женился на эмигрантке! Поверить не могу! Она отберет у него квартиру и...

— И вы поженились в этом возрасте. У вас все хорошо. Так почему у меня должно быть иначе? — перебивая возмущенные вопли сестры, поворачиваюсь к изумленному Скотту.

— Хм... Зои, это его жизнь. И если он так решил, пусть отвечает за свои поступки. Он взял на себя ответственность, и мы не можем на него повлиять, — медленно произносит свояк, и я рад его поддержке.

— Спасибо. Кстати, Зои, я не отчитывал тебя за то, что ты удочерила Джесс, внебрачного ребенка твоего мужа...

— Флинт, — охает сестра и обиженно поджимает губы.

— Это же правда, и я не хочу никого оскорбить этим. Джасмин счастлива с вами, и мы все ее любим. А ты даже не хочешь узнать мою жену поближе. Мне это неприятно.

— Потому что ребенок, который не виноват в своем рождении и скоропостижной смерти матери, не может приравняться к наглой стерве, которая использует тебя...

— Хватит! Не смей так говорить о моей жене! Раз вы не хотите с ней знакомиться и видеть ее, я сваливаю! Поделится с вами, а вы мне в душу плюнули! — Подхватывая сумку, обхожу сестру.

— Флинт...

— Нет, Скотт, я принял твою внебрачную дочь и полюбил ее, не упомянул о том, как туго вам пришлось. А вы не хотите принять мою любовь к женщине. Вы лицемеры, и знать вас не хочу, — зло шипя, выхожу из дома и громко хлопаю дверь.

Меня бесит, что сестра так поступила со мной. Мне больно, а теперь еще нужно объяснить все Коллин. Они не дали ей и шанса показать себя. А я люблю ее, меня не волнует, что она иностранка. Она дарит мне незабываемые эмоции, и такой шаг для меня... а они даже не поддержали. Обидно. До черных мушек перед глазами

обидно! Да, я непутевый, но рвусь изо всех сил. Нашел хорошее место, буду прекрасным мужем и когда-нибудь отцом. У нас все получится, мне это необходимо. Разве могут они понять, какой груз вины я до сих пор несу в себе? Как пытаюсь доказать сестре и Скотту, что родители отдали мне все не просто так, а я заслужил?

Пока жду такси у дороги, смотрю на темное небо, и тяжесть сдавливает грудь. Они заставляют меня плохо думать о моей жене, думать о том, что это ошибка. Не позволю! Мне двадцать три, и я имею право решать сам за себя...

— Флинт? Это ты? — раздается рядом знакомый голос, и я поворачиваю голову.

Девочка, о которой постоянно думаю и для нее тоже стараюсь быть лучше, радостно смотрит на меня огромными голубыми глазами.

— Привет, конфетка, — улыбаюсь, и Джесс, бросая рюкзак на траву, с визгом прыгает на меня.

— Боже! Ты здесь! Ты приехал! — кричит она, а я смеюсь от столь искреннего счастья. Целую русую макушку, прижимаю девочку к себе. Черт, я скучал по ней, и сейчас она тяжелее, чем шесть месяцев назад.

— Ты подросла. — Замечаю длинные ноги в лосинах и такую же обтягивающую майку. Мне не нравится. Она еще маленькая, и эта одежда ей не подходит.

— Ну так мне уже одиннадцать, — гордо заявляет Джесс и поправляет толстую косу на плече.

— Я привез тебе Барби, оставил на журнальном столике...

— Флинт, я давно не играю в куклы. Так ты был у нас? Почему не предупредил? Ты останешься? — закидывает меня вопросами.

— Нет, я уже уезжаю. Мы с Зои немного повздорили, и мое присутствие сейчас нежелательно, — кривлюсь я.

— Почему? Что случилось? Ты пропил квартиру? — Она усмехается, а я ловлю себя на мысли, что ребенок слишком много знает о моих похождениях. Неприятно. Не хочу, чтобы она думала, что мужчины все такие. Хотя да, мы непостоянны, но ей пока рано об этом думать.

— Нет. Я сказал им, что женился, а они не приняли мой выбор.

— Женился? — тихо переспрашивает Джесс и делает шаг назад.

— Да.

— М-м... поздравляю. Она, наверное, очень красивая, и ты ее любишь, раз решился на такой шаг, — постоянно запинаясь, бормочет она.

— Очень. — Улыбаясь, вспоминаю темные волосы Коллин и аппетитное тело, которое сводит с ума. Всегда любил красивые формы, объемные, чтобы было за что ухватиться. Ох, а как она работает ртом...

— Хорошо, раз ты счастлив, то и я счастлива. Вы прилетите на лето? Вместе? — Из порочных мыслей меня выводит голос Джесс, и я, моргая, фокусирую на ней взгляд. — В июле у меня первое выступление на городском конкурсе по фортепиано. Я бы хотела, чтобы ты приехал. — Она подходит ближе и вглядывается в мое лицо. Черт, не могу ей отказать. Она смотрит на меня доверчивыми голубыми глазами, не могу причинить ей боль. Или же дать понять, что я полный кусок дерьма.

— Конечно. — Киваю и слышу звук подъезжающей машины.

— Пообещай, — требует Джесс, когда такси останавливается рядом.

— Обещаю тебе, что приеду...

— Нет, не мне, — смеясь, мотает головой, — небесам. Пообещай им, что приедешь и будешь самым счастливым. Пообещай им, что будешь гордиться собой и я это увижу. Пообещай им.

— Хорошо, — улыбаясь, закатываю глаза. — Небеса, я обещаю, что приеду на первое выступление конфетки. — Смотрю на темное небо и чувствую себя придурком. — Так сойдет?

— Более чем. — Джесс наклоняется и поднимает рюкзак.

— Тогда до встречи, и береги себя. Звони мне в любое время, — говорю, открывая дверцу автомобиля.

Джесс отходит и кивает, но что-то в ее взгляде, на секунду ставшем печальным и горьким, не дает мне опуститься на сиденье.

— Конфетка, у тебя все хорошо? — тихо спрашиваю ее.

— Да. Я скучаю по тебе, а теперь ты женат, и мы вряд ли сможем забираться на дерево, чтобы стрелять из рогатки. Но я рада за тебя и желаю тебе только счастья, Флинт. Поезжай, наверное, твоя любимая уже заждалась тебя, — пухлые губы растягиваются в улыбке.

НЕБЕСА ВСЁ ЗНАЮТ

— Спасибо, Джесс, ты единственная, кто меня понял и поддержал. Спасибо, я обещаю, что буду приезжать чаще, вырвавшись с работы, и заберу тебя на лето к нам. Обещаю, небеса. — Вспоминая это глупое условие, поднимаю голову и слышу звонкий смех.

— До встречи, конфетка, — подмигиваю ей, опускаюсь в салон и закрываю дверь.

Смотрю на одинокую худенькую девочку, продолжающую стоять на лужайке возле дома, и что-то сдавливает грудь. Словно мрачное тянущее предчувствие. Джесс моя племянница, маленький человечек, которого я всегда буду помнить. Хотя в последнее время забыл обо всем, кроме развлечений. Большой мир украл у меня желание быть обычным. Мне хочется забраться так высоко, чтобы никто больше не имел права меня осуждать. Доказать всем, я умею быть взрослым даже без родителей.

— Обещаю, что вернусь и с наслаждением послушаю, как ты играешь. А потом ты станцуеть мне, и мы пойдем есть мороженое. Обещаю, что обстреляем всех гостей на воскресном барбекю и ты будешь смеяться. Обещаю, конфетка, — шепчу, наблюдая, как девочка разворачивается и идет к дому.

— Мистер, мы едем? — спрашивает шофер.

— Да. По этому адресу. — Передаю ему карточку отеля и бросаю взгляд на молчаливый дом со светящимися окнами, который стал для меня чужим.

Ни одного из своих обещаний я не выполнил...